

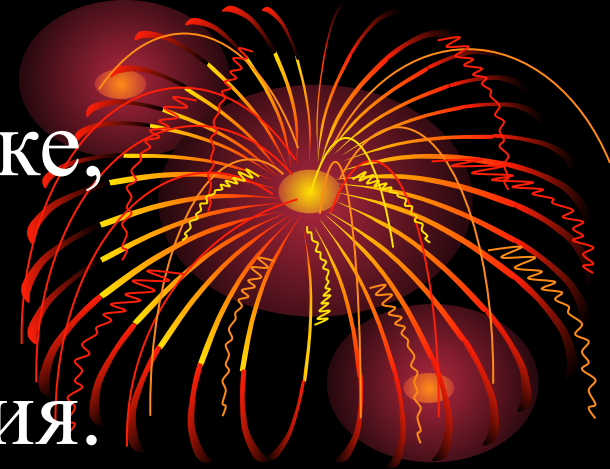
**Тема: Место Михаила Зощенко**  
**в русской литературе**

# План урока

- Предшественники и последователи от Даниила Заточника до Михаила Жванецкого.
- Драматургия М. Зощенко. Особенности драматического конфликта.
- "Зверь" и "неживой человек" в мире раннего Зощенко.
- Наставничество Горького и
- "метаморфоза" Зощенко.



Тема, обозначенная в заголовке, заслуживает обстоятельного монографического исследования.



Вопрос о месте Зощенко в русской литературной истории был и предметом творческой рефлексии писателя, и предметом научного осмысления, начиная с Двадцатых годов до нашего времени



“Зощенковский герой” — это не банальный образ обывателя”, а сложно организованный диалог автора и персонажа с их парадоксальным взаимопретеканием. Исторически он восходит к таким многозначным явлениям, как рассказчик(и) “Повестей Белкина”, соотношение автор/Чичиков в “Мертвых душах”, “диалогическое” слово Достоевского, “лирический герой” поэзии и прозы Козьмы Пруткова, лесковский сказ, “Ich-Erzählung” чеховской новеллистики. Подобно своим предшественникам, Зошенко достигает за счет комико-иронического *раздвоения* образа рассказчика особенного, чисто эстетического *удвоения* художественного эффекта.



О созвучности  
художественных миров  
Зощенко и Высоцкого  
первым, пожалуй,  
высказался Е. Евтушенко  
в стихах, посвященных  
смерти поэта: “Для нас  
Окуджава был Чехов с  
гитарой. Ты — Зощенко  
песни с есенинкой ярой”.



Драматургическое наследие М.М. Зощенко — достаточно обширное и своеобразное, чтобы стать объектом внимания и изучения, — всегда считалось наиболее слабой, неинтересной частью творчества писателя. Его комедии практически не имеют сценической истории, они мало известны не только массовому зрителю, но и режиссерам, театроведам, театральным критикам. По мнению же большинства литературоведов, которые все-таки обращаются—черезвычайно редко и неохотно — к драматургии Зощенко, она вторична по отношению к его прозе, а значит—не добавляет ничего существенного к художественному облику крупнейшего советского сатирика.



Все произведения Зощенко обладают одной удивительной особенностью: по ним можно изучать историю нашей страны. Никогда не работая для "читателя, которого нет", тонко чувствуя время, писатель сумел зафиксировать не просто проблемы, волнующие современников, но и такое, сложно поддающееся научному анализу явление, как "стиль эпохи". Будучи новаторскими по своей сути, его рассказы, повести, пьесы каждого десятилетия зачастую неуловимо похожи — чисто внешне — на произведения других авторов тех лет.

Попытка привнести “элементы водевиля” в реалистическую драматургию с реальными, достаточно типичными, но при этом неординарными характерами оказалась весьма успешной. Зощенко тем самым предложил драматургии и театру новый, малоосвоенный путь и не только продемонстрировал владение известными театральными формами, но доказал собственную состоятельность в обновлении их.



Зощенко, учитель и просветитель своих современников, различными способами боролся со страданиями и невежеством, причиной страдания. Он вначале больше “смеялся сквозь слезы”, в свой гоголевский период смешанной жалости и презрения к “малым сим”, сокрушавшимся из-за потери галош и кражи пальто, а потом научился “смяться над слезами” в “сентиментальных повестях”, смеяться добродушно и снисходительно в надежде победить собственный ужас перед человеком и его страшной и темной участью (которую надо переделать любой ценой). Зато в тридцатые годы он, очевидно, решил увеличить “беспощадность” своего смеха по отношению к самому себе. Ведь главным объектом его разоблачительного пафоса все более делается он сам — слабый, нервный, раздражительный человек старого буржуазного, эгоцентрического мира, которому слишком часто нужны разные совершенно ненужные “куколки”, стишки и другие бесполезные и глупые игрушки.

Примером и образцом в этой борьбе с самим собой все более делается Горький, человек, который как выходец из народа и с "университетским образованием с факультета жизни" мог бы стать "очарованным странником" или босяком, или даже господином Синебрюховым или Флягиным, однако же стал не жертвой жизни, а просветителем, любя, но не жалея ни своих героев, ни своих современников и меньше всего себя. Переписка Зощенко с Горьким свидетельствует о преклонении младшего писателя перед "мужественной" и гармоничной личностью человека, преодолевшего судьбу и помогающего своей стране преодолеть исторический рок. Не потому ли Горький "единственный человек, которого он по-настоящему любит". Во всяком случае, он бесценный пример победы над хаосом: "Алексей Максимович, я вас действительно сердечно и искренне люблю за то, что вы имеете правильное отношение, правильную что ли пропорцию своего отношения к людям, чего у меня никогда не получается """. "Гоголевский" Зощенко не знает чувства меры и преклоняется перед "Пушкиным" нового мира, который знает "пропорцию" во всем.